

Спустившись со склона холма, Фэн Мин и Жун Тянь направились в сторону большого камня, где до этого проходило совещание.

— И что ты планируешь делать дальше? — небрежно проронил Фэн Мин.

От этого вопроса Жун Тянь остановился. Его силуэт был непоколебим и неподвижен, подобно могучему горному лесу, а сам император — очень серьёзен. Ненадолго задумавшись, он обернулся и проговорил:

— Сейчас нам не стоит возвращаться в Силэй, поэтому я планирую собрать войско и вернуться в лагерь, чтобы придумать новый план.

— Ну, — кивнул Фэн Мин, — тогда ладно. Ведь неизвестно, какой шаг сделает Жо Янь, боюсь, он снова может напасть на нас. Да и ты сказал, что, возможно, он сделал вид, что ушёл, а сам вместе со своим войском, притаившись возле сгоревшего лагеря, ждёт нашего возвращения?

Подумав ещё немного, Жун Тянь неожиданно покачал головой и спокойно ответил:

— Жо Янь хитрый и умный. И если его атака не увенчалась успехом, то второй раз он не станет тратить время впустую. Да и напасть на меня — Жун Тяня — не так-то просто. Более того, мы уже однажды сражались друг с другом, и он потерпел поражение, так что теперь он семь раз подумает, прежде чем снова захочет напасть на меня. Если не повезло один раз, то повезёт ли во второй? Тем более он совсем недавно пришёл в себя, после чего сразу же покинул столицу. Было бы странным, если в столице за столь длительное время, что он лежал без чувств, не создалось бы проблем, требующих его внимания, и потому он, наверняка, уже отправился в Ли.

Они тихо шли и беседовали. В какой-то момент молодой мужчина поднял голову и заметил, что они уже подходят к камню, вокруг которого столпилось несколько генералов, ожидая Его Величества и дальнейших приказов.

— Фэн Мин, мне нужно обсудить кое-какие важные дела, хочешь пойти со мной? — спросил Жун Тянь у князя.

Фэн Мин боялся участвовать в совещаниях, где множество людей наперебой обсуждали военные дела, часто докучая и вызывая головокружение[1]. Представив всё это, князь решил отказаться от столь «заманчивого» предложения, и проговорил, мотая головой:

— Ты занимайся своими делами, а я — своими. Я лучше схожу к Жун Ху и попроведаю его. Заодно узнаю, как его рана. — Похлопав Жун Тяня по широкому плечу, Фэн Мин спешно направился выполнять задуманное.

Покинув Жун Тяня, князь осматривался вокруг, ища взглядом Жун Ху и Цю Лань, но даже тени близняшек вместе с Ле-эром не увидел, что уж говорить про «беглую» парочку. Продолжи

поиски, Фэн Мин расспросил несколько охранников, и те сказали, что, возможно, парочка находится на другой стороне ущелья, где остальные раненые солдаты. Отправившись к берегу ручья, князь осмотрелся, но так и не увидел ни следа, ни тени от них.

Наконец-то с большим трудом князь нашёл охранника, который рассказал, где можно найти внезапно пропавшую парочку.

— Сначала их действительно привезли к раненым солдатам, — начал он, — но кто-то пришёл и сказал, что госпожа Яое ищет Жун Ху. Должно быть, она лично хотела перевязать его рану, поэтому несколько солдат отнесли Жун Ху на небольшой холм к мастеру Сяо.

— А-а, — протянул Фэн Мин.

Он действительно сглупил, ведь только что госпожа Яое говорила, что хочет лично перебинтовать Жун Ху и дать ему лекарство. А после — собиралась, взяв с собой Цай Цяна, уехать.

Вспомнив об этом, князь невольно слегка огорчился. Что ни говори, а его так называемая «матушка», неожиданно сообщив, что забирает его «сына», совершенно ни о чём не беспокоилась.

Все ли древние люди такие раскрепощённые?

Поблагодарив охрану, Фэн Мин затоптался на месте, обдумывая: снова пойти к госпоже Яое, или всё же отправиться к Жун Тяню?

Стоящий позади князя охранник внезапно с нерешительностью позвал:

— Князь Мин... — по лицу было видно, что мужчина хочет что-то сказать, но не решается этого делать.

— М? — обернулся Фэн Мин.

— Извините вашего подчинённого за наглость, — мужчина, оглянувшись по сторонам, сделал несколько шагов вперёд и прошептал, умоляя: — Может ли князь Мин помочь замолвить за старшего брата Мянью Я словечко?

— А что случилось с Мянью Я? — испугался Фэн Мин.

— Разве князь Мин не в курсе? Старший брат Мянью Я плохо выполнил свою работу, что привело князя Мина к травме. В итоге Его Величество приказал выпороть хлыстом пятьдесят раз, и сейчас он находится на лугу, что восточнее отсюда, — стоит на коленях в знак

наказания. Но не только он, также подверглись наказанию все остальные солдаты, которые не уследили за Вашей Светлостью.

От этих слов Фэн Мин слегка изменился в лице.

Подняв руку, князь потрогал перебинтованный лоб, где до этого красовалась небольшая ранка, которая, в свою очередь, уже давно перестала болеть.

По правде говоря, во всём случившемся нужно было винить лишь князя, ведь это он, дав волю нраву, свалился с коня и сам навлек на себя беду, кто бы мог подумать, что сюда впутают ещё и Мянью Я?!

— Пойду поговорю с Жун Тянем! — недолго думая, отреагировал князь.

— Большое спасибо, Ваша Светлость! — Было видно, что охранник испытывает признательность, но, вслед за этим, на лице обнажилась шелковинка осторожности: — Только прошу князя Мина при встрече с государем не говорить, кто именно сказал Вам об этом, иначе... — Фэн Мин не стал дожидаться, когда охранник договорит.

Пройдя обратно мимо нескольких постов охраны, князь заметил вдали силуэт Жун Тяня, неизвестно что обсуждающего с генералами.

— Князь Мин? — внезапно со стороны тропинки неожиданно выскочил Ле-эр и с удивлением спросил: — Спешите поучаствовать на собрании?

Фэн Мин покачал головой, и, притянув Ле-эра ближе, шёпотом рассказал про Мянью Я, после — с серьёзным видом добавил:

— Случившееся никакого отношения к Мянью Я и остальным не имеет, я хочу заставить Жун Тяня отозвать приказ и как следует успокоить их.

На что Ле-эр вернул:

— Как это не имеет?! Раз уж государь приказал им оберегать князя Мина, значит, они должны были Вас оберегать, а не подвергать опасности. А этот паршивец, Мянью Я, с такими же недотёпами, не уследил и позволил князю Мину свалиться с коня. Так что Мянью Я и другим солдатам ещё повезло отделаться лишь пятьюдесятью ударами и стойкой на коленях в знак наказания. Если бы князь Мин получил серьёзное ранение, то пощада со стороны государя выглядела бы странно.

— Да как ты можешь так говорить? — в испуге пролепетал Фэн Мин. — Разве подвергшийся наказанию не является вашим другом?

Ле-эр же непонимающе уставился на князя Мина:

— Конечно, является, вот только, провинившись, он сразу же должен ответить за поступки. Что ещё тут скажешь?!

Князь пытался найти подходящие слова, и, не найдя таковых, необдуманно бросил:

— Я не могу тебе этого объяснить, мне нужно поговорить с Жун Тянем. Во всяком случае нельзя допускать, чтобы из-за моего поступка страдали другие.

— Князю Мину не стоит так спешить, — начал убеждать Ле-эр, схватив сделавшего шаг Фэн Мина. — Государь сейчас очень занят, стоит ли из-за такого пустяка его беспокоить? Лучше идёмте со мной. Госпожа Яое только что помогла перебинтовать старшего брата, наложив новую мазь, старший брат уже пришёл в себя и ему гораздо лучше. Он расспросил обо всём случившемся за последнее время, а потом попросил меня найти Вас, чтобы поговорить.

У Ле-эра были тонкие плечи и узкий зад, а глаза и брови — словно нарисованные[2], юноша выглядел настолько худеньким и хрупким, что, казалось, его снесёт от лёгкого порыва ветра. Но, несмотря на свою кукольную внешность, Ле-эр обладал силой, его тонкая рука крепко, но в то же время осторожно сжала запястье Фэн Мина, и без лишних слов телохранитель потащил князя к склону холма, где царили тишина и спокойствие и где пейзаж представлялся совсем другим.

Это место как нельзя кстати подходило для отдыха и лечения ран.

Высокие скалы скрывали от беспощадно палящего солнца, постепенно прогревавшего землю. Молодая трава зелёным ковром расстилалась от подножия и до самой вершины холма, высокие и низкие деревья, растущие неподалёку, дополняли живописную картину.

И как раз на вершине этого холма лежал Жун Ху, требующий к себе особого внимания. Рядом сидела Цю Лань, и, держа чашечку с прозрачной горной водой, поила раненого.

Кроме Цю Лань там ещё были Цю Юэ и Цю Син. Девушки сидели на зелёной траве и, приглядывая за Жун Ху, постоянно вскрикивали:

— Жун Ху, успокойся! Госпожа же сказала, что наложила на рану новую мазь. К тому же она велела час лежать спокойно и не двигаться, так как рана может снова открыться!

Увидев Ле-эра, да ещё и в компании с Фэн Мином, девушки одновременно вскочили с места и проговорили:

— Князь Мин пришёл.

— Оказывается, вы все здесь. — Хоть его насильно притащил Ле-эр, но всё равно переживавший за Жун Ху и Цю Лань князь сразу, сделав два шага вперёд, опустился перед Жун Ху на колени и, немного осмотрев его, с заботой спросил: — Госпожа Яое дала тебе лекарство? Она скоро уедет, поэтому не забудь попросить у неё рецепт этого лекарства, а когда настанет время менять повязку, расспроси у неё подробно на что стоит обратить внимание. — Приказал он, стоящей сзади Цю Лань.

На что девушка шёпотом отозвалась: «Слушаюсь».

Увидев господина, Жун Ху обнажил теплоту на лице, и, приподняв губы, улыбнулся, говоря:

— Рану уже перебинтовали, госпожа Яое действительно потрясающая в искусстве врачевания. После её мази рана совсем не болит, и я чувствую себя намного лучше. Так что князю Мину не стоит беспокоиться за своего слугу. Более того, госпожа Яое сказала, что через восемь-девять дней я смогу свободно двигаться. Но только через месяц я смогу снова взять меч.

Телохранитель говорил правду. Он действительно выглядел намного лучше, чем был до этого.

Упоминание о мече, по-видимому, заставило телохранителя вспомнить тот день, когда его ранили, и, лишь сейчас ощущая страх, Жун Ху со вздохом сказал:

— О господине Сяо Цзуне ходит заслуженная слава. Я до сих пор не понимаю, как его меч вонзился в меня. Всё произошло так быстро, что я даже не смог увернуться от его удара. Даже если я столкнусь с подобной ситуацией снова, отразить нападение, возможно, не смогу. К счастью, у господина Сяо оставалась капля добрых чувств, и он не тронул князя Мина.

Стоявшая в стороне Цю Лань перебила, спросив:

— Князь Мин действительно позволил госпоже забрать с собой Цай Цяна?

С момента отъезда из лагеря Фэн Мин был охвачен всякими беспокойствами и разлука с Цай Цяном было одним из них.

Если бы он не отказался от Цай Цяна, то как бы они, служанки, привыкшие постоянно нянчиться с ним, отказались от ребёнка? Ведь Цай Цян уже называл их мамой.

Тотчас же невольно заболела голова стоило лишь подумать, что после отъезда Цай Цяна, ему, князю, предстоит компания из трёх плачущих служанок.

Ещё скверным являлось то, что Цай Цян выступал в качестве обменного товара на тридцать три грузопассажирских судна с экипажем на борту и в довесок ко всему картой судоходства.

Он даже знать не знал, как они, слуги, станут заботиться о предавшем «своего сына» «стремящийся только к наживе» князе Мине.

Тем не менее, если бы Сяо Цзун, узнав про талант ребёнка, унёс его, не считаясь с мнением других, кто бы посмел его остановить? Жун Тянь был прав, у них изначально не было возможности оставить Цай Цяна.

Если бы они разорвали отношения[3] и не отдали бы Цай Цяна, какая была бы от этого польза?

Увы... но так или иначе, к решению Жун Тяня князь относился с мучительными сомнениями.

И правда понятия не имел, как всё объяснить Цю Лань.

Фэн Мин замялся, но Цю Лань, поняв, изо всех сил заморгала красными от недавних слёз глазами, словно подавляя новую волну истерики, и, опустив голову, прошептала:

— Князю Мину не стоит испытывать неловкость, это решение государя, а мы, простые служанки, повинемся и только.

В отличие от Цю Лань, Цю Син и Цю Юэ быстро обо всём догадались, и с двух сторон — одна с левой, а другая с правой — окружили подругу, мягко утешая:

— Не реви. Хоть с виду госпожа Яое напоминает ледяную статую, но очень любит Цай Цяна. Ведь он её родной внук. Она будет более заботливой, чем мы, и научит его необходимым навыкам.

— И кто знает, может, он пойдёт по стопам своего деда и станет великим мастером меча. Ты только представь: молодой, как в те годы господин Сяо, красивый и талантливый юноша, которому не будет равных. И куда бы он не направился, все чиновники и императоры будут относиться к нему с огромным уважением, словно к божеству.

— Но я больше не буду готовить ему всякие вкусности, ах, — скрывая обиду, проговорила Цю Лань.

— Зато у тебя есть князь Мин! Приготовь ему что-нибудь.

— А мы?! Мы тоже хотим твою стряпню.

— И Ле-Эру, нет, нужно покормить Жун Ху...

Утешая Цю Лань, сестрицы, ни на секунду не умолкая, медленно направились под сень ветвей,

растущих на другой стороне деревьев, где продолжили девичьи задушевные щебетанья.

Проводив служанок взглядом и убедившись, что они уже далеко, Ле-эр приблизился и, слегка высунув язык, со смехом проговорил:

— Я насильно притащил сюда князя Мина. Он как раз искал государя, желая с ним поквитаться. Старший брат, вручаю тебе князя Мина, а мне пора, нужно уладить кое-какие дела. — И Ле-эр лёгкой поступью отправился выполнять задуманное.

Зная, что его брат жив, а по заверениям госпожи Яое, рана его скоро исцелится, Ле-эр крайне оживился и теперь к любому делу подходил с энтузиазмом.

В итоге оставив лишь князя Мина и Жун Ху, который посмотрел на Фэн Мина:

— Прошу князя Мина присесть. Мне крайне неловко за то, что я, телохранитель князя Мина, сижу, а Вы стоите. Ле-эр сказал, что князь Мин искал императора, желая с ним поквитаться. Что произошло?

— Да не хотел я с ним поквитаться! Я отправился тебя искать, как встретился с одним охранником из свиты государя и только. — Фэн Мин, в один миг усевшись на зелёную траву, вкратце рассказал про случившееся с Мянью Я, и, пожав плечами, добавил: — В итоге Ле-эр не позволил мне уйти и, схватив за руку, притащил сюда.

Жун Ху хранил молчание.

По-видимому искусство врачевания госпожи Яое и впрямь заслуживало похвалы, Жун Ху к этому времени, похоже, действительно чувствовал себя намного лучше, а мертвенная бедность, украшавшая вчерашний лик телохранителя, когда последний лежал в маленькой комнате, немного сошла. И хоть ему, склоняющемуся на горную траву, пока нельзя было двигаться, однако сам Жун Ху с воодушевлённым взглядом смерил князя.

Под таким невозмутимым взглядом стало не по себе, а сам Фэн Мин нахмурился:

— Неужели ты того же мнения, что и Ле-эр? Если бы Мянью Я действительно провинился, и Жун Тянь его наказал, то я слова не сказал бы. Но в случившемся виноват-то я, и если уж кому нести наказание за содеянное, — то мне. Я знаю, что от меня одни проблемы и великой истины мне не понять, однако Жун Тянь — великий император и должен быть справедливым, как в награждении, так и в наказании. И со всей справедливостью должен подходить и к своим министрам, и к своим охранникам.

Он ненадолго замолчал, а после перевёл взгляд на Жун Ху:

— Скажи хоть что-нибудь.

Казалось, Жун Ху немного огорчился и, слегка нахмурив выдающиеся чёрные брови, ответил:

— Это дело государя и князя Мина, я лишь простой охранник и не должен вмешиваться.

— Что? Это дело государя и князя Мина?

А как же Мянью Я и другие невинные охранники? Они же сейчас, должно быть, до сих пор стоят там, на восточной стороне луга, под палящим солнцем.

Жун Ху потупил взгляд, словно о чём-то задумавшись. После долгого молчания он тихо вздохнул и, снова подняв голову и встретившись со взглядом князя, обнажил строгость:

— Почему сейчас, когда у князя Мина выдалась свободная минута, он обеспокоен Мянью Я, и безучастен к государю?

От таких слов юноша остолбенел и, почёсывая затылок, проронил:

— Позаботиться о Жун Тяне?

— Верно. Неужели Его Величество больше не нуждается в заботе князя Мина? — Поразмыслив немного, Жун Ху добавил: — Генерал Цзы Янь в общих словах рассказал мне про лагерь. Кто бы мог подумать, что Жо Янь отправится к нам и нападёт на оборонительный, но в то же время, совершенно пустой лагерь. К тому же так безжалостно возьмёт и сожжёт заживо пленных. И если бы не приказ госпожи Яое, то мы с Цю Лань уже давно превратились бы в прах.

— Это, возможно, самое доброе дело, что она сделала, появившись в нашей жизни, — пробурчал Фэн Мин.

— Хоть мы с Цю Лань выжили, — внезапно понизив голос, продолжил Жун Ху, — Но госпожа Мэй Цзи — нет. Князь Мин думал, какой это удар для императора?

Лицо в миг помрачнело, а слова застряли в горле.

Верно, Мэй Цзи умерла.

Мэй Цзи, может быть, и являлась первой красавицей Поднебесной, которая отреклась от мирской жизни[4], однако для Жун Тяня она была не просто красивой женщиной, а нечто большим.

Тогда, когда имя Жун Тяня ещё не гремело на весь мир, между ним и красавицей Фаньцзя —

Мэй Цзи — уже появилась неразрывная связь.

Едва познакомившись с ещё молодым будущим императором Силэй, Мэй Цзи решила кардинально поменять свою жизнь. Она уехала и стала отшельницей, спокойно ожидая, когда Жун Тянь объединит всю Поднебесную; И Жун Тянь и Жо Янь прославились выдающимися мужами Поднебесной также благодаря имени Мэй Цзи. Слухи об их историях разлетелись по всему миру.

Являясь первой красавицей Поднебесной и очаровательной женщиной, она не только была спасительницей Жун Тяня, но и крайне близким другом.

Дошло до того, что Жун Тянь место для основного лагеря, выбрал в том же ущелье, где жила Мэй Цзи.

Он доверял ей, уважал её.

И если бы не появился Фэн Мин, то, возможно, она посвятила бы Жун Тяню всю жизнь, став самой очаровательной и счастливой императрицей в истории Силэй.

И теперь этот купающийся в мирской любви цветок[5], который в расцветшем виде был ещё прекрасней, сгорел в бушующем пламени от руки Жо Яня, пожертвовав собой ради любимого мужчины.

Опустив голову, Фэн Мин молча уставился на дрожащую траву, что мягко поглаживал горный ветер.

Он не понимал чувств Жун Тяня, иначе говоря, даже не пытался понять душу императора Силэй.

В глазах князя Жун Тянь представал могучим и несокрушимым, словно самый могучий военный корабль, каким бы ни был ураган, он всё равно порвался бы сквозь него в целостности и сохранности. Фэн Мин привык принимать Жун Тяня за нерушимую скалу.

Он даже, можно сказать, немного побаивался и не знал с каким лицом подойти к опечаленному из-за утраты императору Силэй.

Удивительно, но специально воспользовавшись тем, что Жун Ху с Цю Лань живы, князь, как и все, радовался, пытаясь прогнать мысли о смерти Мэй Цзи, словно те являлись просто облаками, но Жун Ху, не став ходить вокруг да около[6], вновь напомнил о страшной участи женщины.

«Страусиное» настроение в два счёта подверглось разоблачению.

— Ты прав, я даже представить себе не могу, как сейчас тяжело Жун Тяню. Иногда я такой дурак. Полагаясь на удачу, надеялся не затрагивать эту тему, чтобы не огорчать Жун Тяня. — Голос ослаб, князь медленно добавил: — Иногда я чувствую себя никчёмным и ничего не могу с этим поделать.

— Да, иногда такое бывает.

Фэн Мин никак не ожидал, что такой несговорчивый и добрый юноша, как Жун Ху, может быть таким прямолинейным. Недоумевающе поглядев на телохранителя, князь выдавил слабую и кривую усмешку:

— Сегодня ты на редкость откровенен, ни Цю Лань, ни охранники, да что уж там, даже Жун Тянь так со мной не разговаривает.

Поглядев прямо в глаза, телохранитель вновь проговорил, затрагивая важное:

— Если бы Его Величество не грустил, я не посмел князю Мину говорить нечто подобное. Но государь всем сердцем любит князя Мина. И ради князя слишком много взваливает на свои плечи, но всему есть предел. Самой твёрдой в мире вещью является алмаз, но даже его можно расколоть. Один максимальный удар станет пределом, и алмаз расколется на тысячу осколков, склеить которые никто не сможет. Также и наш государь — твёрдый и решительный, — словно зёрнышко прекрасного алмаза, но, когда государь хрупок, князю Мину стоит поостеречься.

Князя ошеломила такая метафора. Глубоко задумавшись, ему стало крайне неловко.

— Что же мне делать? — взглянул князь на Жун Ху, словно моля о помощи.

— Откуда мне знать? — теперь Жун Ху горько улыбнулся.

Плечи опустились.

Жун Ху был прав, князь действительно являлся бесполезной пустышкой.

С самого начала их отношений Жун Тянь окружал князя заботой и поддерживал, как мог. Но сейчас, когда Жун Тянь нуждался в заботе и поддержке, Фэн Мин ничего не мог сделать.

От осознания собственной беспомощности, князь почувствовал себя ничтожеством.

Что нужно сделать, чтобы успокоить опечаленное сердце самого мудрого и спокойного мужчины? Современные знания, что заполняли голову, ни на волос не помогали в подобной ситуации.

В отличие от Жун Тяня, князь не «фонтанировал» идеями, как развеселить любимого.

Государь всегда беззаботно улыбался и никогда не было такого, чтобы Жун Тянь передавал князю свою грусть.

Как император Силэй, мечтающий объединить Поднебесную, мог быть беззаботным? Не было ни единого намёка на грусть, наоборот, всё скрывалось за нежной улыбкой.

— У меня есть ещё кое-что, но не знаю, стоит ли говорить об этом?

Глубоко порицая себя, Фэн Мин внезапно поднялся с земли и, сложив руки в знак почтения, низко поклонился телохранителю:

— Прошу, посоветуй?

— Князю Мину не стоит так делать, — поспешно пролепетал телохранитель, — Ваш подчинённый разве достоин такой вежливости?! Прошу, скорее пересядьте.

Повиновавшись, Фэн Мин серьёзно посмотрел на Жун Ху.

— Этот совет, на самом деле я давно думал о нём. — поразмышляв, Жун Ху спросил у князя: — Помнит ли князь Мин тот разговор со своим подчинённым, когда государь отправился в Ханьгуй с желанием убить принцессу Мяо Гуан?

Фэн Мин кивнул.

Тот разговор очень сильно повлиял на Фэн Мина. Жун Ху сильно поменял его взгляды и, в то же время, заставил задуматься о последствиях, выбрав императора в качестве спутника жизни.

Как князь мог забыть о подобном?

— На самом деле, я уже давно хотел Вам сказать это. Хотя, на самом деле, император, как самый опытный человек, должен говорить Вам об этом, вот только он никогда не скажет. Другие же не задумываются, либо у них не хватает мужества, или же они просто не хотят вмешиваться в отношения государя и князя Мина, — тут Жун Ху на мгновение замолчал и вздохнул. — По правде сказать, я тоже не имею права Вам этого говорить.

Фэн Мин не смог удержаться от вопроса:

— Что именно говорить?

— Ни для кого не секрет, что будучи князем и имея определённое значение в сердце императора, князь Мин способен повлиять на его решение.

— Угу, а дальше?

Но Жун Ху не торопился прерывать молчание. Вместо этого он тихо поднял взгляд и, встретившись со взглядом князя, после паузы сказал:

— Я лишь прошу князя Мина не относиться легкомысленно к власти над государем.

— Я...

— Сначала желание отправить солдат обратно в лагерь, чтобы спасти тех, кто там остался, затем «расправиться» с Цай Цяном, решить, что я с Цю Лань предатели, в довесок ко всему наказание Мян Я и других солдат, и тому подобное. — Жун Ху был тяжело ранен, но каждое слово, наполненное необычайной силой, заставляло вдумываться в скрытый смысл. — В конце концов, император есть император, и, чтобы заполучить Поднебесную, приходится чем-то жертвовать и прибегать к гневу. Следовать прихотям князя Мина, — всё равно, что сковать генерала железной цепью на поле боя. Рано или поздно хитрый и коварный Жо Янь обязательно воспользуется этим и уничтожит своего лютого врага.

От сказанного горло сдавило, не давая свободно вздохнуть.

Жун Ху не ругал князя, однако его слова попадали не в бровь, а в глаз, указывая на ошибки Его Светлости.

Только сейчас пришло осознание. В отличие от Ле-эра, слова его брата имели вес и могли раздавить.

Хаос охватил разум, отчего голова показалась ватной. Открыв рот и проронив «Я...», князь замолк, не закончив фразу. Внезапно дыхание стало напряжённым, после двух глубоких вдохов лицо, утратив бледность, покраснело, а сам князь резко поднялся и, развернувшись, направился прочь.

— Куда собрался князь Мин? — Жун Ху, боясь не выдержать собственного волнения, изо всех сил придерживал верхнюю часть туловища, тихо вздыхая.

— К Жун Тяню.

— Встретившись с государем, что намерены делать дальше?

Фэн Мин стоял неподвижно, спина слегка подрагивала, а после глубокого вдоха, уже

спокойным тоном ответил:

— Я хочу быть рядом с ним, хочу сказать ему, сколько бы он не принял решений, с которыми могу не согласиться, я всё равно останусь на его стороне.

Сказав это, князь почувствовал облегчение.

С прошлой ночи, когда завывал яростный ветер, последовал целый ряд важных событий, оказывающих влияние и вызывая отклик в душе, словно превращая его в порошок, от чего князь казался невесомым и мог легко вспорхнуть с порывами горного ветра.

Верно.

Ведь его возлюбленный не только Жун Тянь, но и император Силэй, в чьих руках жизнь целого народа и судьба всего государства.

Если даже служанки с охраной не сомневаются в решении государя, доверяя его мудрости и хваленной дальновидности, так почему же он, князь, не может довериться ему?

А если уж Жун Тянь захочет захватить мир и отправиться куда заблагорассудится, то обязательно сделает всё для этого возможное, отбросив чувства, в особенности страх.

Если в игре по объединению Поднебесной у каждого своя миссия, тогда его миссия — помочь Жун Тяню сосредоточиться и выиграть в данной игре.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «голова идёт кругом от множества забот» досл. кружится голова и пухнет мозг

[2] «Брови и глаза будто нарисованы» обр. в знач.: очень красивый

[3] В оригинале фраза звучит как «разорвать лицо» в знач. [публично] разорвать отношения; прекратить отношения; рассориться; портить отношения.

[4] В оригинале фраза звучит как «не есть приготовленную людьми пищу» обр. покинуть светский мир, отречься от мира, быть над материальным, свободный от мирских забот.

[5] Полная фраза звучит как «цветок, которым знаменита данная местность» также обр. в знач.: красавица; знаменитая гетера.

[6] В оригинале фраза звучит как «спрятать голову, высунуть хвост» обр. в знач.: недоговаривать, умалчивать, ходить вокруг да около, хитрить.